

Евпраксія — святая грешниця

Невинное дитя, попавшее в руки тирана. Целомудренная дева, прозванная блудницей. Дочь великого князя всея Руси — Евпраксия. Ее путь начался с бегства, а любовь — с трагедии. Тринадцатилетней девочкой ее отдали замуж за деспота, который нещадно издевался над ней, а тот, кого она любила, безвременно погиб. Ненавидимая родственниками мужа, она была заточена в башне. Когда же Евпраксии удалось вырваться и сбежать, она неожиданно оказалась в руках императора Генриха IV. Теперь у нее новое имя — Адельгейда. Жена великого императора или же узница настоящего дьявола в человеческом обличье? Что ждет ее теперь?..

Святослав Воеводин

A woman in a crown and ornate dress holding a candle, with a castle in the background.

ЄВПРАКСИЯ
СВЯТАЯ ГРЕШНИЦА

Святослав Воеводин

Евпраксия — святая грешница

Р^{оман}

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2019

© Майдуков С. Г., 2019

© Depositphotos.com / szefei / mihalec / vova130555@gmail.com /
piorro / kwiktor, обложка, 2019

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском
языке, 2019

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное
оформление, 2019

ISBN 978-617-12-7321-4 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Електронная версия создана по изданию:

Безневинне дитя, яке потрапило до рук тирана. Цнотлива діва, яку прозвали блудницею. Дочка великого князя всієї Русі — Євпраксія. Її шлях розпочався зі втечі, а кохання — із трагедії. Тринадцятирічною дівчинкою її віддали заміж за деспота, який нещадно знущався з неї, а той, кого вона покохала, передчасно загинув. Ненависна родичами чоловіка, вона була заточена в башті. Коли ж Євпраксії вдалося втекти, вона несподівано опинилася в руках імператора Генріха IV. Тепер у неї нове ім'я — Адельгейда. Хто вона? Дружина великого імператора або в'язень справжнього диявола в людській подобі? Що чекає на неї?..

Воеводин С.

В63 Евпраксия — святая грешница : роман / Святослав Воеводин. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 256 с. ISBN 978-617-12-6867-8

Невинное дитя, попавшее в руки тирана. Целомудренная дева, прозванная блудницей. Дочь великого князя всея Руси — Евпраксия. Ее путь начался с бегства, а любовь — с трагедии. Тринадцатилетней девочкой ее отдали замуж за деспота, который нещадно издевался над ней, а тот, кого она любила, безвременно погиб. Ненавидимая родственниками мужа, она была заточена в башне. Когда же Евпраксии удалось сбежать, она неожиданно оказалась в руках императора Генриха IV. Теперь у нее новое имя — Адельгейда. Кто она? Жена великого императора или узница настоящего дьявола в человеческом обличье? Что ждет ее теперь?..

УДК 821.161.1

Дизайнер обложки *Наталія Коноплич*

Глава 1

С раннего утра киевлян не пускали на Боричев съезд и гнали с берегов Почайны от Перунова моста до самого ее впадения в Днепр. Шибко упрямых и несговорчивых стегали плетьюми и охаживали древками копий так, что иных уносить на руках доводилось, потому что сами идти уже не могли. Торговцев и рыболовов, которые надеялись отсидеться на реке, теснили княжескими ладьями, отгоняя на версту, а то и на полторы вниз или вверх по течению.

И хотя одно и то же повторялось из года в год каждое лето, находилось в Киеве много недовольных, которые не только ворчали и ругались, но и кидались из-за заборов в служивых кто кизяками, а кто камнями. Однако и они дали деру, когда ратники пошли по дворам с обнаженными мечами, грозясь перебить всех бунтовщиков. И когда дорога окончательно опустела, по ней из града потянулся целый поезд из повозок и всадников, числом до трех сотен людей княжеского рода, приближенных и дворни. Хватало здесь также греческих и византийских богомольцев в черных ризах, ибо князь Всеволод Ярославич был ревностным христианином, Священное Писание на пяти языках читал и одежды носил диковинные, в здешних землях невиданные.

Еще крепкий и не сильно раздобревший в свои пятьдесят лет, он ехал верхом на горячем коне в сопровождении верных воевод. На кудрявой, коротко стриженной голове его блистал золотой венец, надетый по случаю выезда, чтобы у подданных и тени сомнений не возникло в том, что перед ними любимый сын Ярослава Мудрого, славный правитель Киева, князь всея Руси, как повелел он величать себя после того, как избавился от опеки старших братьев (от самих братьев тоже) и утвердился на престоле. Густая борода доходила Всеволоду до середины груди, плащ его был расшит золотом и покрывал коня на манер шелковой попоны. То, как он покачивался в седле, выдавало в нем хорошего наездника, хотя, воцарившись в

Киеве, он редко покидал терем, посвящая все свободное время чтению книг, свозимых отовсюду, где только удавалось их достать.

Молодая княгиня Анна с детьми ехала в возке, обтянутом кожей, чтобы солнце не слепило глаза и не темнило кожу. В молодости была она вылитой половчанкой со смоляными косами и узкими, словно бы вечно прищуренными глазами, но по прошествии лет внешность уроженки степей как бы сгладилась, приобрела сходство с окружающими женскими лицами, точно переняв у них выражение и черты.

Дети, рожденные Анной от Всеволода Ярославича, уже несколько не походили на половцев, как будто боги не желали, чтобы на них выливалась извечная ненависть русов к степнякам. Шестилетний Ростислав был белобрыс и розовощек, как любой другой здоровый киевский малец его возраста. Его старшая сестра Евпраксия обращала на себя внимание большими глазами, тонким прямым носом и сочными губами, всегда выглядевшими так, будто она только что полакомилась спелыми вишнями. Ей было семь, и она, возомнив из себя взрослую, старалась опекать братца, подсовывала ему сладкое и учила уму-разуму. Сидя на полу возка с Ростиславом, Пракся, как звали ее близкие, показывала мальчику, как глиняный медведь отбивается от целой своры охотничьих собак, коими служили сосновые шишки.

— Вот вам, вот вам! — приговаривала она, ударяя медвежьей лапой по разлетающимся шишкам и успевая при этом издавать рычание и даже разноголосый лай.

— Будет вам, будет! — урезонила детей Анна. — Подъезжаем уже. Вон она, река, смотрите.

Бросив игрушки, Ростик и Пракся забрались на лавку с ногами и, толкаясь, высунули головы из окошка. Дорога проходила через песчаник, колеса водило из стороны в сторону, белая пыль вздымалась облаком, заставляя жмуриться и морщиться. Но река действительно была видна под горою и одним своим прохладным блеском радовала глаза и сердце.

— Ох и наплаваюсь я сегодня! — пообещал Ростислав, жадно глядя на водную гладь за зелеными верхушками деревьев. — Меня дядьки выучили. И саженками, и по-собачьи.

— И по-рачы, — засмеялась Евпраксия. — Под водой, задом наперед.

— Смейся, смейся! Это тебя завидки берут, что ты только лягушкой плавать можешь.

— Врешь, Ростик! Я по-всякому могу, вот увидишь.

Возок запрыгал на промоинах, прорезавших дорогу во время недавнего ливня. Гридни придерживали лошадей, чтобы не сильно пылить на господ. Черные рясы монахов сделались серыми.

На берегу возле свежесрубленных купален дежурила сотня спешившихся дружинников, остальные, растянувшись цепью, сторожили дорогу и склоны, не позволяя спуститься злоумышленникам и просто черни. Весь цвет Киева собрался подле Почайны, так что бдительность была не лишней.

Ветер раздувал полотнища, развешанные между срубов и мостков, чтобы заслонять купальщиков от нескромных и просто любопытных взглядов. На песке сохли охапки речной травы, вытащенной из воды, чтобы не раздражала нежную кожу княгинь и боярынь. Они заняли три средние купальни, готовясь к долгожданному омовению. Одни стыдливо прикрывались, смущаясь своей наготы, другие, наоборот, выставляли животы, зады и груди напоказ, предлагая завидовать своим прелестям.

Евпраксия опасливо косилась по сторонам, как всегда слегка ошеломленная обилием мохнатых лобков, бесстыдно выставленных подмышек, растянутых розовых сосков и пупков, глубоких, как паучьи норы. Она и хотела стать взрослой, и страшилась этого. Взрослые женщины, оставаясь наедине друг с дружкой, становились не в меру смешливыми и развязными, а от их шуток и прибауток уши сворачивались в трубочки, будто листья на жару.

Не дожидаясь, пока мать закончит разоблачаться и накинёт короткую холщовую рубаху, девочка выскользнула из купальни и побежала по теплым доскам на помост, где была перехвачена нянькой Лушкой в подоткнутой нижней юбке.

— Погоди, княжна! — заволновалась она, растопырив руки, как если бы ловила вырвавшегося на свободу курчонка. — Без теток в реку нельзя. Я плавать не умею.

Проскочив под вытянутой рукой, Евпраксия, заливаясь звонким смехом, с разбегу прыгнула в воду. Ласковая прохлада объяла ее тельце

с ребристыми боками и поджарым мальчишечьим задом. Босые пятки коснулись песчаного дна, пружинисто оттолкнулись и вынесли юную княжну на поверхность, будто юркого малька, спасающегося от хищной рыбины. Раздвигая зеленоватую воду, усеянную тополиным пухом, Евпраксия поплыла на глубину, не оборачиваясь на призывные крики девки, бегающей по помосту с заломленными руками.

Волнения были напрасны. Во-первых, плавала Евпраксия хорошо, держась на воде что твой поплавок. Во-вторых, напротив купален была протянута веревка, за которую детям заплывать строго-настрога запрещалось. Вот вдоль нее и плыла Евпраксия, пока чуть не столкнулась с Ростиславом, тоже вырвавшимся на свободу раньше взрослых.

— Гляди! — прокричал он. — Вот как я могу!

Его руки заработали на манер мельничных лопастей, поднимая тучи брызг. Наткнувшись на веревку, он поднырнул под нее и поплыл дальше.

— Ростик! — позвала Евпраксия. — Ты куда? А ну, воротись!

Брат не слышал. Бахвалясь своим новым умением, он нарезал воду саженками, отдаляясь все дальше и дальше. Евпраксия в растерянности оглянулась. Перепуганная девка уже не металась по помосту, а втолковывала что-то гридням на берегу, указывая пальцем на реку. Из загоронок выходили женщины и мужчины в рубахах по колено. Вот появился отец, чресла его крупного, слегка оплывшего тела были обмотаны полотном. Он увидел дочь и помахал ей рукой, усмехаясь.

Она повернула голову и ужаснулась тому, как далеко находится Ростислав. Мальчик уже не размахивал руками, но продолжал отдаляться, уносимый течением.

Недолго думая, Евпраксия окунулась с головой, чтобы разминуться с веревкой, и устремилась следом за братом, изо всех сил ударяя по воде руками и ногами. По мере того как река относила ее от берега, у нее все сильнее и сильнее захватывало дух. Оглянувшись, девочка обнаружила, что купальни сделались маленькими, как игрушечные ларчики, а лица взрослых, столпившихся там, были уже неразличимы. Несколько человек плыли к ней и Ростиславу, торопливо вскидывая руки, но находились еще слишком далеко, чтобы можно было рассчитывать на их помощь. Не поспевали и лодочники, суетливо

спускавшие на воду долбленку. Из-за спешки они перевернулись на отмени и принялись вылавливать оброненные весла.

Больше не отвлекаясь, Евпраксия поплыла за братом, который сейчас напоминал щенка, брошенного в реку и держащегося на поверхности из последних сил. Он уже греб не так бойко, и его руки почти не показывались из воды.

— Держись, Ростик! — подбадривала Евпраксия, постепенно догоняя Ростислава.

Лучше бы ей не открывать рта, потому что очень скоро она нахлебалась воды и как-то вся отяжелела. Брат уже пару раз погрузился с головой, и теперь было видно только личико его, устремленное к небу, словно он там что-то хотел увидеть, прежде чем пойти ко дну.

Евпраксия не успела. Ростислав, не издав ни звука, пропал из виду — только круги поплыли по течению, стремясь скрыть место погружения. Евпраксия набрала полную грудь воздуха и нырнула.

Желтая вода, пронизанная солнцем, была достаточно прозрачна, чтобы разглядеть в ней темный силуэт с расставленными руками, медленно опускающийся туда, где уже никакого света не было. Усердно работая ногами, Евпраксия развернулась головой вниз и, раздвигая упругую толщу, устремилась за тонущим братом.

Все происходило почти в полной тишине. Уши сдавило, звуки были расплывчатыми и приглушенными. Из рта Ростислава выскакивали серебристые пузырьки и уходили кверху, будто предлагая Евпраксии последовать за ними. Она вынырнет и будет дышать, дышать, дышать! Если промедлить еще немного, то можно не успеть. Воздуху становилось тесно в груди, он требовал, чтобы его выпустили и набрали вместо него нового.

Тем не менее Евпраксия продолжала спуск в сумрачное подводное царство. Схватив брата за рубашонку, она поняла, что не в состоянии тащить его вверх. Вес обмякшего тела почти не ощущался, но его нужно было поддерживать, а без помощи рук всплыть не получалось. Нужно было выбирать. Отпустить брата или тонуть вместе с ним. Евпраксия была готова разжать пальцы. Она не знала, что заставляет ее удерживать ткань раздувшейся в воде рубахи.

В груди был готов лопнуть набухающий огненный шар, сжигающий девочку изнутри. Тело теряло подвижность, наливаясь

свинцовой тяжестью. Глаза лезли из орбит. Евпраксия умирала. Смерть была похожа на сонную одурь, на странное непреодолимое оцепенение. Не хотелось больше ни двигаться, ни жить.

Словно во сне, бессильная что-либо сделать, Евпраксия увидела, как из глубины всплыли обнаженные женщины с клубящимися, как зеленый дым, волосами. Вне всякого сомнения, это были русалки, хотя рыбьих хвостов девочка не заметила. Ниже пояса у них были самые обыкновенные ноги, сильные, гибкие и подвижные. Умело двигая ими в воде, две русалки подхватили Ростислава, а одна принялась подталкивать Евпраксию. «Наверх, вверх, — звучало в ушах. — Гребите, гребите».

Первый глоток воздуха сопровождался хрипом, напугавшим девочку. Она все дышала и дышала, и никак не могла отдышаться, а вокруг галдели взрослые, кипела вода от множества ладоней и весел, ударяющих по поверхности. Ростислава выдернули из реки, положили в лодку и начали дуть ему в рот и давить на грудь; он был весь голубой от проступивших вен, а губы его посинели.

Евпраксия не заметила, как очутилась в соседней лодке. Ее тоже попытались уложить на спину, но она сердито оттолкнула руки.

— Ростик! — позвала она, вытянув шею. — Очнись, братик, не умирай. Я тебе про русалок расскажу.

Брата стошнило, он закашлялся. Евпраксия посмотрела в воду, ища взглядом спасительниц, и уловила что-то похожее на взмах блестящей руки ниже по течению, но то могла быть и рыбина, взывавшая на поверхности. Что касается отголоска журчащего смеха, то он, конечно же, всего лишь почудился ей, поскольку русалки, как известно, выныривают из воды исключительно по ночам, когда их не могут увидеть люди.

Глава 2

Зима выдалась сырая и слякотная. Только успеет выпасть снег и лечь белым покровом на землю, как уже тает, обращаясь в склизкую слякоть, так что обувь пропитывается водой по самые голенища. Полозья саней рассекают лужи, а ноздреватые сугробы расплываются по дворам и дорогам — ни пройти ни проехать. Если после этого ночью подморозит, а потом ветер ледок отполирует, то приходится идти враскорячку, хватаясь то за стены, то за ограду.

Расположившись возле окна на детской половине, Евпраксия и Ростислав покатывались со смеху, когда внизу кто-нибудь из дворни падал на накатанных дорожках. Чтобы подготовить их, дети поднялись ни свет ни заря и до завтрака мотались по двору. Особенно лихо это получалось у Ростика. Разбежавшись, он разворачивался чуть боком и скользил по снегу, постепенно превращающемся в лед. Ни бугорки, ни трещины не были помехой для ловкого девятилетнего мальчугана. Евпраксия, хоть и была на полголовы выше, едва за ним поспевала. Пару раз она упала, больно ушибив колено. Зато теперь было ужасно весело наблюдать за слугами.

Первой грохнулась кухарка с бадьей помоев. Следующим оказался конюх, спешивший вывести отцовского Буяна. Но смешней всего упали две девки, пытавшиеся хвататься друг за дружку, пока не повалились обе и долго еще барахтались в снегу, прежде чем сумели подняться.

Когда никто не падал, Евпраксия тоже не скучала. Зеленоватое стекло было неровным, так что одни фигурки растягивались вширь, а другие — в высоту. Как будто смотришь сквозь воду, стекающую по глазам.

— А помнишь, как мы тонули? — спросила Евпраксия.

— Ничего я не тонул, — привычно отрезал Ростислав. — Притворился, чтобы тебя напугать. А ты, дуреха, поверила.

— Это тебе за «дуреху»!

Евпраксия отвесила брату шутейную затрещину. Он отпрянул и показал кулак, шипя, как рассерженный гусак:

— Попробуй еще только! Пракся-плакса! Э-э-э! У-у-у!

Она прыгнула на него по-кошачьи, но он ускользнул за дверь, просунул голову в щель и пропел:

— Видела русалку, проглотила галку, русалка утопилась, галка удавилась!

Евпраксия сделала вид, что собирается схватить брата, и он скрылся из виду, оставив дверь болтаться на сквозняке. Стало слышно, как потрескивают дрова в печи. Евпраксия вернулась к окну и увидела, что две бабы посыпают ледяные дорожки золой. Сделалось скучно. Захотелось позвать Ростислава обратно или отправиться к нему в горницу, но Евпраксия вспомнила дразнилку про русалку, надулась и села у окна с пядьцами и цветными нитками. Никто не поверил ей тогда, несколько лет назад, да и сейчас продолжали считать ее выдумщицей и обманщицей.

Отец, тот даже рассердился, услышав рассказ дочери.

— Ты, Евпраксия, брось это, — сказал он. — Не морочь голову ни себе, ни другим. Вас багром подцепили и вытащили, на что была воля Божья, а не какая-то еще.

— Разве нет русалок? А водяной как же? А щука-кудесница с золотыми плавниками?

— То не божьи твари, а бесовские отродья, — строго произнес Всеволод Ярославич. — Как увидишь их, крестись и моли Спасителя нашего, Христа, дабы избавил тебя от сих видений адовых. Я, дочь моя, тоже блуждал в потемках и всякую нечисть в мысли допускал, покуда Мария мне глаза не открыла...

Он имел в виду свою первую супругу Марию, дочь византийского императора Константина Мономаха, родившую ему двух детей до того, как преставиться. Своего второго брака Всеволод в глубине души стыдился, ибо наличие жены Анны не королевского, и даже не боярского, рода означало, что он, князь всея Руси, любимый сын Ярослава, внук Владимира, правнук Святослава, зять ромейского императора, отмеченный высоким положением и благословением Всевышнего, был вынужден породниться с ханом Осенем, дабы уберечь свое княжество от набегов, но не только не добился цели, а еще и снискал к себе презрение половцев, которые справедливо усмотрели в таком поступке проявление слабости.

Насколько хороша была Анна на супружеском ложе, настолько же она раздражала Всеволода Ярославича в остальном: и нечистоплотностью своей, и неспособностью овладеть грамотой, и тягой к хмельным напиткам. Детей от второго брака князь не мог полюбить по-настоящему, не считал их равней ни просвещенному Владимиру, ни набожной Янке. Оттого и держал их врозь, как бы отделяя зерна от плевел. Как отец, Всеволод любил и младших чад своих, и даже соборы в честь их рождения возводил, однако больших надежд на них не возлагал. Чего ждать от дочери, которая уж скоро невестой на выданье станет, а по-прежнему в сказки детские верит?

Евпраксия чутко ощущала переменчивое отношение отца к себе. И навсегда запомнила, как он отчитал ее за рассказ о том, как их с братом спасли русалки. Ей было проще признать, что все это лишь померещилось, чем настаивать на своем. Но сколько бы окружающие ни высмеивали ее веру в невидимый мир духов и волшебных существ, она не распрощалась с ними и по сей день, когда стала совсем взрослой. Десять лет исполнилось Евпраксии, и недавно, призвав ее в свои покои, отец сказал, что подумывает о ее грядущем замужестве.

Мысль об этом была пугающей и заманчивой в одинаковой степени. Кое-какое представление о том, чем занимаются мужья и жены в опочивальнях, Евпраксия имела, собирая свои познания по крупицам: где услышит, где подсмотрит, а где и просто догадается. Завесу тайны приоткрывали также срамные частушки, которые нет-нет да и долетали до нежных девичьих ушей.

Перед сном или просто сидя одна за вышиванием, Евпраксия непременно ловила себя на том, что думает о будущем замужестве. Вот и сейчас, позабыв об иголке в пальцах, Евпраксия застыла, уставившись в стенку. Каким будет он, тот, кто однажды поведет ее под венец, кому будет принадлежать она душой и — страшно подумать — телом? Выдадут ли ее за пригожего молодца вроде Горислава, приставленного оруженосцем к батюшке? Или же муж ее будет заматерелым, могучим и волосатым, как воевода Журба? Нет, должно быть, увезут ее в дальнюю византийскую сторонку, ибо туда обращен взгляд отца. Если так, то предстоит Евпраксии жить в сказочном дворце, среди хрусталя, шелков и золота. Вопрос: с кем? Кто будет лобзать ее уста и ласкать своими сильными руками от головы до пят, раздетую донага?

Передернувшись, Евпраксия взялась руками за щеки. Они пылали, тогда как пальцы были холодными, словно сосульки. Посидев так в неподвижности, она подбежала к двери, открыла ее и крикнула:

— Лушка! Лушка, поди сюда!

Нянька появилась сразу, торопливо и как-то воровато утирая рот. Было непонятно, целовалась она с кем-то тайком или ела варенье без спросу, потому что за ней водились оба эти греха. У нее была большая грудь, распирающая сарафан, и тонкая коса, смахивающая на коровий хвост. От нее всегда хорошо пахло мятой и другими душистыми травами.

— Чего тебе, княжна? — спросила она, сладко улыбнувшись.

И опять непонятно было, поцелуи ли были тому причиной или ворованные сладости.

— Коляды скоро, — сказала Евпраксия. — Готовиться пора.

— Неделя еще, — ответила Лушка. — Али невтерпеж? Ох и попляшем!

Она думала, что девочку влекут пляски ряженных, пряники и подарки, но заблуждалась.

— Помнишь, ты рассказывала мне, как с девками перед зеркалом гадала? Вот и я так хочу.

Нянька вдруг всполошилась и даже икать начала, а затем, приложив растопыренную пятерню к прыгающей груди, сказала:

— Что ты, что ты, Праксюшка! Погубить меня хочешь? Меня и так едва со двора не прогнали за ваши плаванья! Так плетью отходили, что неделю сидеть не могла. За гадание вообще голову снимут. Даже не проси, милая. Нельзя тебе. Мы же теперь вроде христиане.

Лушка собрала пальцы в щепоть и перекрестилась, предварительно задумавшись, в какую сторону класть крестное знамение.

— Голову с тебя и так снять могут, — произнесла Евпраксия, равнодушно глядя в окно. — Вот узнают, что ты варенье из кладовой таскаешь или про то, как с Елисеем по углам тискаешься, тогда что?

— Неправда твоя! — быстро воскликнула Лушка и икнула, не успев прикрыть рот.

Получилось похоже на лягушачье кваканье.

— Что ж, поглядим, — пожала плечами Евпраксия. — Ты иди, няня. Я шить буду.

— Хотя погадать, конечно, можно, — заговорила Лушка другим тоном, как бы размышляя вслух. — Ежели никому не говорить.

— Не будем.

— Ну ладно. Разве ж я могу тебе отказать в чем? Ты мне вместо дочери родной. Уж так люблю тебя, так люблю...

Нянька потянулась губами, чтобы поцеловать Евпраксию, но девочка, вспомнив вечно мокрый нос Елисея, отстранилась от нее. Велела прийти ночью после колядок и отпустила. А потом несколько дней прожила как в лихорадке, изнывая от нетерпения.

Накануне праздника ударил трескучий мороз, а месяц, повисший в небе, был холодным и блестящим, как наточенный серп. Взрослые пировали несколько дней подряд, то призывая детей за праздничный стол, то забывая об их существовании. От обилия гостей во дворе и теремах было не протолкнуться. Светелка Евпраксии была завалена подарками от родни, крестных и бояр, к князю допущенных. Народ гулял в звериных шкурах и масках, неожиданно пускался в пляс и так же неожиданно валился с ног, кто под забором, кто просто в снег. Напившиеся бабы орали песни про «блядки-колядки» и визжали как резаные, когда их растаскивали по темным углам.

Евпраксия опасалась, что в этом угаре Лушка забудет про их уговор, но нянька не подвела. Явилась в срок, румяная, шальная, хмельная. Велела Евпраксии снять с себя все амулеты и украшения, спросила, приготовила ли она второе зеркало, проверила свечи, огниво и качнула головой: пойдём, что ли. Ступая бесшумно, крадучись, они спустились по черной лестнице в баню для дворовых баб, заперлись изнутри на засов и стали шушукаться.

— Вот смотри, — объясняла Лушка, совершая необходимые приготовления, — зеркал я на лавке ставлю, так чтобы одно в другое глядело.

— На коридор похоже, — прошептала Евпраксия. — И всюду свечи, свечи. Будто бы их тут целая тысяча, а не две.

— Раздевайся, Пракся. На теле не должно быть ничего, кроме исподней рубашки. Все остальное — долой.

Пока они избавлялись от лишней одежды, нянька объяснила девочке, что разговаривать друг с дружкой нельзя, а надобно молча смотреть в зеркало.

— Как я суженого твоего вызову, — продолжала она деловито, — он непременно появится и пойдет к тебе. Тогда ты должна выкрикнуть: «Чур меня!» Смотри не забудь.

— А то что будет? — спросила Евпраксия, переходя с шепота на едва слышный шелест.

— А то выйдет из зеркала — и тогда берегись, — пояснила Лушка, крестясь. — Он ведь не настоящий человек будет, а один только облик, как в сновидении. Тронет за щеку — родимое пятно на пол-лица выступит. Обнимет — ни молока, ни детей не будет. А ежели поцелует, то хуже всего. Поцелуй — на смерть. Что, княжна, не передумала?

Глаза няни диковато блестели в отблесках пляшущих язычков пламени.

Евпраксия молчала, собираясь с духом.

— Быстрее решай, — поторопила ее Лушка. — К полуночи банник из-под полка выползет, защекочет, а то и кожу обдерет. Надо было для него ржаную горбушку с солью захватить, да я позабыла совсем.

— Банник? — переспросила Евпраксия все тем же шелестящим шепотом. — А какой он? Ты его видела?

— Не только видела, а поленом раз огрела. — Лушка фыркнула наполовину смешливо, наполовину опасливо. — Мылась одна спозаранку, глядь — а в углу старик голый сидит, беззубым ртом слюни пускает. Лапищи свои ко мне протянул, я — за чурку березовую. Так и познакомились.

Говоря это, няня бросала опасливые взгляды по сторонам. Страх Лушки показался Евпраксии напускным. Прищурившись, она сказала:

— Не надейся, что я сбегу, банщика испугавшись. Давай гадать будем. Хочу своего жениха увидеть.

— Потом не жалуйся, — предупредила Лушка. — И не забудь «Чур меня!» кричать.

— Не забуду.

— Ладно. Смотри в зеркало. Молчи и не мигай.

Евпраксия застыла. Коридор, озаренный свечами, тянулся вдаль и уходил в никуда.

— Суженый-ряженный, — бормотала Лушка, — приходи не в саже. Приходи на ужин, очень ты нужен...

Евпраксия хотела сглотнуть, чтобы смочить пересохшее горло, и не сумела. В дальнем конце коридора произошло какое-то шевеление.

Суженый-ряженый, приходи не в саже...

Движение повторилось. Кто-то приближался. Об этом можно было судить по тому, как исчезали алые огоньки, заслоняемые от глаз девочки.

Приходи на ужин...

Подбородок Евпраксии отвис и мелко задрожал. К ней приближалась не одна мужская фигура, а несколько. словно целая череда силуэтов надвигалась из мрака, торопясь добраться до обратной стороны зеркала, пока его не убрали.

Очень ты нужен...

Евпраксия беззвучно пошевелила губами. Она была не в силах произнести отворотное заклинание. Язык не слушался. Волосы на голове зашевелились, как от нашествия вшей, но это ужасом повеяло.

— Кто там, кто? — тревожно спросила Лушка, заметив изменившееся и побледневшее лицо воспитанницы. — Батюшки! — вскричала она, заглянув в черный проем зеркала. — Гони их, Пракся, гони скорее! Пропадем!

Как будто это было так просто! Заклинание вылетело из головы Евпраксии вместе со всеми остальными словами. Она видела приближение целой толпы скалящихся, гримасничающих, гогочущих мужчин и цепенела все сильнее, понимая, что вот-вот они всем скопом доберутся до нее — и тогда конец. Вот уже и Лушка с повизгиванием выскочила из бани, оставив девочку одну. Неужели ничего нельзя сделать? Неужели Евпраксия так и будет сидеть, дожидаясь, пока с ней сотворят что-то ужасное?

Она выставила перед собой руки, как бы желая закрыть выход из зазеркалья, но поняла, что это ее не спасет. Тогда пальцы обхватили полированную раму зеркала, подняли и с размаху грохнули об пол.

Когда несколько минут спустя Лушка отважилась вернуться и украдкой заглянула в баню, Евпраксия сидела на прежнем месте и, склонив голову, тупо смотрела на сотни осколков, раскиданных по полу и исправно отражающих пламя свечей.

— Они меня не схватили, — сказала она. — Я им не далась.

Лушка обнаружила, что стоит не дыша, и набрала полную грудь воздуха.

— Беда, — пролепетала она. — Быть беде.

На следующий вечер ее нашли в камерке с перерезанным горлом, рядом валялся нож Елисея, а сам Елисей бесследно исчез из Киева. То ли Лушка понесла от него, то ли чем-то вызвала его ревность, то ли он ограбил ее и подался в разбойники, неизвестно. А с Евпраксией ничего худого не приключилось. Она была еще совсем ребенок. Все беды и напасти ожидали ее впереди.

Глава 3

Известие о приближении сватов из Германии застало Евпраксию врасплох. Ей только-только сравнялось двенадцать, когда отец призвал ее к себе и в присутствии потупившейся матери произнес:

— Возрадуйся, дочь моя. Сваты Генриха Штаде приехали твоей руки просить. Он знатный граф немецкий, правитель Саксонии. Отдам тебя за него, утру нос Ярополку. Он думает, что раз женат на графине немецкой, то можно родному дяде кукиши крутить?

Евпраксия почувствовала, что ноги ее подкосились, и искала взглядом опору, чтобы не упасть. Ничего подходящего поблизости не оказалось, так что пришлось крепиться самой. Оруженосец отца, юный Горислав, сделал к Евпраксии едва заметный шаг и замер, пригвожденный к месту взглядом князя.

— Ступай к себе, готовься, — велел Всеволод Ярославич дочери. — Не завтра, так послезавтра попрощаешься с отчим домом. Всякой птице время покидать родное гнездо. Так и ты, Евпраксия. Не бойсь, не бойсь! Неужто забыла, что имя твое значит? В переводе с греческого — Счастливая. Так что ничего худого с тобой не случится.

Мир расплывался перед глазами Евпраксии. Она не про имя свое думала, а вспоминала злосчастное гадание в бане. Как будто то зеркало, прежде чем было разбито, обратилось во врата преисподней, сквозь которые адские обитатели явились за нею. И первым в той череде шел муж-германец.

— Не робей, дочка! — подмигнул отец, разглаживая шелковистую бороду на груди. — Граф Генрих не стар и не уродлив. Двадцать лет — не возраст для мужчины.

— К тому же он высок и статен, — добавила мать. — Так говорят. Не зря же в народе прозвали его Длинным.

Она поощрительно улыбнулась дочери, словно им вместе предстояло узнать и разделить какую-то тайну.

Родители еще немного поговорили, а потом отец опять велел Евпраксии собираться к встрече гостей. Она кивнула, выдавила из себя

какие-то приличествующие случаю слова и отправилась к себе. Однажды, бегая по галерее, Евпраксия с размаху ударилась лбом о притолоку и потом долго страдала от головокружений и слабости. Нынешнее самочувствие походило на то. Пол кренился, ступени уходили из-под ног, стены плыли перед глазами. Служанки и подруги пытались приблизиться к Евпраксии, но она отгоняла их взмахом руки, как назойливых мух. Ей хотелось как можно быстрее остаться одной, чтобы все обдумать и найти слова, которые смогли бы переубедить отца. Наивная двенадцатилетняя девчонка, она имела весьма поверхностное и радужное представление о политике и людях, которые эту политику делали.

Всеволод Ярославич не принял дочь. Зато в ее покои явилась княгиня Анна и стала заливаться соловьем, расписывая прелести взрослой и, в частности, супружеской жизни. Она убеждала дочь не бояться Генриха.

— Длинный — оно даже хорошо, — рассуждала она, непонятно улыбаясь. — Муж должен быть большим. Привыкнешь, ничего. Стерпится — слюбится. Зато будешь жить во дворце каменном, вся в парче и золоте. Войдешь во вкус, назад уже не потянет. Ни за какие коврижки не захочешь возвращаться.

— Захочу, — возражала Евпраксия, утирая красные глаза. — Мне здесь все мило. Это родина моя. А на чужбине что? Ни родных, ни близких. Буду одна-одинешенька.

— Детки пойдут, вот тебе и первая отрада. А вторую, и самую главную, сама для себя откроешь. Нас, женщин, не только мужья тешить могут.

— Ты про что, матушка? Не понимаю я тебя.

— И не надобно теперь, — улыбалась Анна, и глаза ее жмурились, как у кошки, которой за ухом чешут. — Потом узнаешь.

Всю ночь не могла уснуть Евпраксия, чувствуя себя несчастной и преданной. Родители от нее отказались и, похоже, даже были рады сбить чужеземцу, который сам приехать не сподобился, а выслал вместо себя сватов. И когда только отец успел сговориться с этим Длинным Генрихом? Видать, переписка промеж ними велась, а Евпраксию в известность поставили лишь в последний момент. Теперь стало понятно, для чего к ней приставили сразу двух учителей немецкого языка, один из которых обучал девушку речи и манерам, а

второй читал с нею скучную толстую книгу и велел переписывать оттуда целые страницы. Все было решено давно и заранее. Отец и матушка обманывали Евпраксию, ведя переговоры за ее спиной.

Она то плакала, то ворочалась, то грызла угол подушки в тоске, а на рассвете поднялась на башню подышать душистым весенним ветерком и послушать соловьев в рощах. Небось, там, в Неметчине, и птицы петь по-настоящему не умеют. Если немцы дома́ из камня возводят, то, выходит, и деревьев у них нет, все повырубили. Голо, наверное, пусто, глазу не за что зацепиться. И ходят немцы все поголовно постные и унылые, а самый высокий и худой из них — граф Генрих Штаде. Костистый, холодный. Ляжет рядом и начнет лапать, а ты ему слова поперек не скажи...

Нить размышлений Евпраксии прервалась, когда взгляд ее уловил какое-то движение на соседней башне отцовского терема. Обратив туда глаза, увидела она в проеме бойницы Горислава, показавшегося ей очень бледным и печальным. Должно быть, сумрачное освещение было тому виной, потому что при виде Евпраксии юноша заулыбался и помахал ей рукою. Она хотела было пожелать ему доброго утра, но вспомнила, что все еще спят в этот ранний час, и тоже подняла руку.

Горислав высунулся из бойницы, намереваясь что-то сказать. Евпраксия сделала вид, что не заметила, и покинула башню. Ей нравился оруженосец отца, но приличия не позволяли проявлять чувства. Кроме того, за ними могли подглядывать, а Евпраксии вовсе не хотелось, чтобы по детинцу поползли сплетни о ее тайных встречах с Гориславом. Мало ли как истолкуют их случайную встречу. Донесут отцу, он осерчает и накажет слугу, а то и прогонит. Было бы обидно, ведь Горислав один из тех немногих мужчин, которые не вызывали у Евпраксии опаски.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ